

Архивная революция и новые горизонты изучения послевоенной отечественной истории

Аннотация: в статье дается анализ источников по послевоенной истории СССР, ставших доступными для исследователей благодаря их рассекречиванию и публикации. Особое внимание обращено на архивные документы, мемуары политических деятелей, свидетельства участников важнейших событий 1945–1953 гг. Показан их информационный потенциал.

Ключевые слова: история, отечественная история, социально-политическая история, период 1945–1953 гг., исторический источник, архив, личный фонд, документ, мемуары, публикаторская деятельность.

Открытие отечественных архивов, начавшееся с 1992 г., заметно расширило источниковую базу исследований по новейшей отечественной истории. Наряду с теми документами, которые уточняли или иллюстрировали уже известные положения и устоявшиеся в историографии оценки, рассекреченными оказались материалы, которые впервые давали представление о целых исторических периодах и прежде не публиковались. К числу таких следует отнести короткий, но весьма важный для понимания нашей истории период – первые послевоенные годы (1945–1953). О нем в нашей историографии стали писать совсем недавно. Можно выделить лишь несколько работ, посвященных комплексному анализу этого периода по материалам архивов¹.

Какие же документы имеют особую важность? Что нового они несли в себе для понимания перемен в советском обществе и органах власти после окончания Великой Отечественной войны? В числе документов, открытых в середине 1990-х гг., следует назвать материалы пленумов ЦК ВКП(б), доступные исследователям в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Большое значение, к примеру, имело для автора знакомство с материалами мартовского (1946) пленума ЦК ВКП(б), рассматривавшего вопросы подготовки к первой послевоенной сессии Верховного Совета СССР. Интересным в ходе обсуждения

повестки дня предстоящей сессии было выступление И. В. Сталина, в котором он поставил вопрос о необходимости замены народных комиссариатов министерствами. «Техническим» это решение могло показаться лишь на первый взгляд. Оно имело под собой серьезную основу. Объясняя необходимость этого шага, Сталин отмечал: «Народный Комиссар или вообще комиссар – отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период революционной ломки и прочее, и прочее. Этот период прошел. Война показала, что наш общественный строй очень крепко сидит и нечего выдумывать названия такого...»². Интересно, что в проекте повестки дня состоявшейся вслед за Пленумом сессии Верховного Совета СССР был обозначен как особый пункт повестки дня вопрос «О Премьер-Министре СССР». Однако в последний момент глава правительства стал именоваться Председателем Совета Министров. Сталин, как видим, хотел этими шагами продемонстрировать как внутри страны, так и за рубежом, укрепление политического режима и его массовую поддержку населением. Можно также отметить, что попытки «вестернизировать» наименования высших органов власти и руководителей СССР предпринимались и позже. Так, в одном из вариантов проекта Конституции СССР 1962 г. предполагалось введение поста «Президента СССР».

Интересным является комплекс документов, связанных с историей разработки и обсуж-

¹ См.: Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. М., 1994; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 2000, и др.

² РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 33.

дения проектов новой Программы и Устава ВКП(б). Решение об их подготовке было принято летом 1947 г. Сами документы предполагалось рассмотреть на XIX съезде партии в 1948 г. Во главе соответствующих комиссий оказались представители набравшей в это время силу группы «ленинградцев». К осени 1947 г. проект Программы партии был не просто подготовлен, но уже и переработан группой Д. Т. Шепилова. В нем были четыре раздела: «Значение Великой Октябрьской социалистической революции в историческом развитии человечества», «Современная международная обстановка», «Итоги достижений советского общества», «Основные задачи ВКП (б) по строительству коммунистического общества»³. Одной из главных была названа задача в течение 15–20 лет превзойти уровень производства на душу населения в СССР по сравнению с основными капиталистическими странами. Как известно, эти подходы через 10 лет стали едва ли не главным девизом программы действий Н. С. Хрущева, а некоторые вошли и в проект Конституции СССР, разрабатывавшейся в 1962–1964 гг.

Открытыми оказались и материалы Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП (б). Они позволили, в частности, проследить особенности принятия решений по кадровым вопросам в первые послевоенные годы, особенно в связи с возвышением, а затем и стремительным падением партийных руководителей из группы «ленинградцев». Множество новых материалов в виде записок и проектов решений по рассматривавшимся в этих органах вопросам продолжают оставаться закрытыми до сих пор.

Следует признать важной для исследователей работу по публикации сборников документов, проведенную в последние 20 лет российскими архивистами и историками. В частности, издательство «РОССПЭН» опубликовало повестки дней заседаний Политбюро ЦК партии⁴. Это лишь перечень вопросов, рассмотренных на заседаниях высшей партийной инстанции, но для историков такая публикация имеет большое значение, обеспечивая доступность информации, и служит своего рода путеводителем, компасом для поиска в архивных фондах следов документов, содержание которых пока остается неизвестным.

Другой интересный сборник документов — книга, подготовленная О. В. Хлевнюком, Л. П. Ко-

шелевой, М. Ю. Прозуменчиковым, Л. А. Роговой и др. и посвященная взаимосвязи и взаимовлиянию в послевоенные годы высших органов партийного и государственного руководства⁵. В ней представлены важнейшие постановления о порядке работы Политбюро ЦК и Совета Министров, о распределении и перераспределении обязанностей в высшем политическом руководстве, о порядке принятия политических решений. Специальными разделами здесь выделены вопросы взаимоотношений Сталина и его ближайшего окружения.

Взаимоотношения союзного и регионального советского партийно-государственного руководства посвящен сборник «ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953»⁶. В нем хотелось бы выделить материалы, посвященные характеру взаимодействия Политбюро ЦК ВКП(б) с руководством ленинградской партийной организации. Наиболее весомым для власти источником информации оставались, как и прежде, органы государственной безопасности. Начальник управления МГБ по Ленинградской области Д. Г. Родионов за три года пребывания в должности (1946–1949) отправил в адрес министра госбезопасности В. С. Абакумова около 300 конфиденциальных сообщений, а также напрямую докладывал И. В. Сталину о ленинградских руководителях. Та же система работала и во взаимоотношениях центра с региональными партийными комитетами. Дело арестованного в 1946 г. секретаря Владимирского обкома партии по пропаганде А. К. Жигалова показывает, что органы МГБ вели слежку даже за руководителями такого высокого уровня и докладывали напрямую в центр⁷. Заметна и другая показательная черта: донесения друг на друга, писавшиеся руководителями региональных органов МГБ и партийных комитетов, порой приводили к тому, что вслед за арестом тех, на кого писали, вскоре следовал арест и тех, кто писал, а затем наступал черед следующих... Система действовала так же, как и до войны.

Еще в 1990-е гг. ГАРФ начал издавать «Архив новейшей истории России», включив в серию «Каталоги» материалы «Особых папок» И. В. Сталина⁸,

³ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1. Д. 6, л. 20–56 и др.

⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919–1952 / Каталог. Т. III: 1940–1952. М.: РОССПЭН, 2001. 1016 с.

⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.

⁶ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.

⁷ Там же. Документ 76 (с. 167–169).

⁸ Архив новейшей истории России. Т. I: «Особая папка» И. В. Сталина: Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1953 гг. Каталог документов. М.: Благовест, 1994. 358 с.

В. М. Молотова⁹, Н. С. Хрущева¹⁰ и Л. П. Берии¹¹, содержащие краткие аннотации записок, поступивших в адрес высших руководителей страны от органов НКВД-МВД. Это была первая попытка публикации документов, относящихся к «особым папкам» (т. е. наиболее важных и засекреченных материалов и решений партийно-политического руководства страны). Однако названные материалы не являются полными, ибо докладные записки и прочие документы поступали в адрес высших лиц страны изо всех инстанций, а не только из НКВД-МВД. Кроме того, они содержат преимущественно сведения, касающиеся хозяйственной деятельности НКВД, если говорить об «особой папке» Берии. Молотову направлялись записки по частным вопросам, относящимся к внешней политике. Наиболее значимые материалы поступали в адрес Сталина. Однако и здесь следует сделать небольшую оговорку: это далеко не весь комплекс подобного рода документов, шедших в его адрес. Интересен подсчет опубликованных «особых папок» Сталина по годам. Если в 1944 г. по линии НКВД к нему поступило 450 документов, а в 1945 г. — 667, то в последующие годы их число значительно снизилось: в 1946 г. видим лишь 371, а в 1947 г. — 333, в 1948 — 234, а в 1949 — 196 документов. С самого же начала 1950-х гг. происходит резкое сокращение числа «особых папок» Сталина: в 1950 их лишь 77, в 1951 г. — 38, в 1952 г. — 22, а в 1953 г. — всего пять. Причем преимущественно это не документы по политическим вопросам, а отчеты трудовых коллективов о досрочном выполнении годовых планов и по другим частным вопросам.

Обращает на себя внимание и тот факт, что «особые папки» Хрущева содержат материалы МВД лишь за 1954–1959 гг.; это можно объяснить тем, что на указанные годы приходится самостоятельная политическая деятельность нового руководителя партии и правительства. Однако есть и другое объяснение: по мнению В. П. Наумова, многие документы, касавшиеся участия Хрущева в принятии решений, в том числе его письма Сталину с Украины, а также переписка с органами

госбезопасности послевоенной поры, были по его приказу уничтожены генералом И. А. Серовым, ставшим по его предложению первым председателем КГБ СССР.

Казалось бы, опубликованные «особые папки» Сталина, а также приведенные выше цифры свидетельствуют о правомерности точки зрения Ю. Н. Жукова, утверждающего, что к концу жизни Сталин был фактически отстранен ближайшим окружением от принятия важнейших политических решений. Однако это далеко не так. Делать такие далеко идущие выводы, опираясь лишь на приведенные материалы, нельзя, ибо сами «особые папки», хранящиеся в ГАРФе, — далеко не полный свод документов, адресованных Сталину из МВД. Документы, куда более важные для понимания механизмов принятия политических решений и роли Сталина в последние годы его жизни, содержатся в Архиве Президента Российской Федерации (бывший архив Политбюро ЦК КПСС), а также в Центральном архиве ФСБ РФ. Отчасти они обобщены и опубликованы В. Н. Хаустовым в многотомнике «Сталин и ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД-МГБ». Для нас интерес представляет том, посвященный послевоенным годам, последнему периоду жизни И. В. Сталина¹². Опубликованные здесь документы поражают разнообразием, огромным охватом самых разных сторон жизни послевоенного СССР и его высшего руководства. В них содержатся сведения о событиях, с которыми был ознакомлен Сталин, в которых он принимал участие и принимал по ним решения. Документы (главным образом специальные сообщения, приказы, шифротелеграммы, протоколы допросов подследственных лиц) приведены со всеми резолюциями и пометами на полях и сведены в сноски. Научный аппарат издания имеет самостоятельное значение. Приведенные в сборнике документы показывают, что рычаги и механизмы высшей власти оставались в руках Сталина до последних дней его жизни. Более того, из них видно, что он готовил новые политические процессы с участием в них ближайших своих соратников, еще находившихся на вершине пирамиды власти.

Одним из наиболее интересных и объемных массивов архивных источников по послевоенной истории являются открытые в 1990-е гг. материалы личных фондов руководителей страны. Они позволяют не просто увидеть круг вопросов, которые им приходилось решать в то время, но и подметить те или иные факты и со-

⁹ Архив новейшей истории России. Т. II: «Особая папка» В. М. Молотова: Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1956 гг. Каталог документов. М.: Благовест, 1994. 226 с.

¹⁰ Архив новейшей истории России. Т. III: «Особая папка» Н. С. Хрущева (1954–1956 гг.). Переписка МВД СССР с ЦК КПСС (1957–1959 гг.). Из материалов Секретариата МВД СССР 1954–1959 гг. Каталог документов. М.: Благовест, 1995. 364 с.

¹¹ Архив новейшей истории России. Т. IV: «Особая папка» Л. П. Берии: Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1946–1949 гг. Каталог документов. М.: Благовест, 1996. 681 с.

¹² Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В. Н. Хаустов и др. М.: МФД: Материк, 2007. 656 с.

бытия, которые позволяют восстановить полностью картины по наиболее крупным историческим проблемам.

Так, в личном фонде А. А. Жданова удалось обнаружить записки, отражающие характер, объемы и пути поставок военной помощи коммунистам-повстанцам в годы гражданской войны в Греции. Здесь любопытны материалы, касающиеся недостатков в работе Лечебно-санитарного управления Кремля (Лечсанупр). К примеру, в марте 1947 г. на имя Жданова поступила жалоба на серьезные нарушения в работе Лечсанупра. В ней отмечалось, что обслуживание больных в «кремлевке» поставлено неудовлетворительно: «при производстве хирургических операций допускают оставление в зияющих ранах тампонов, марли и т. п.», «на данных лабораторных анализов сплошь и рядом перепутывают фамилии больных»; сообщалось о смерти редактора «Известий» Георгиева, последовавшей после отказа прислать ему скорую помощь во время сердечного приступа. Записка имела не только прямые последствия в виде снятия начальника Лечсанупра А. Буслаева¹³. Другим, более «долговременным» ее результатом стало то, что она явилась как бы предшественницей обвинений, которые позже высказала Тимашук. Получалось, что автор записки А. Жданов стал жертвой беспорядков в Лечсанупре, за работу которого по традиции отвечал шеф МГБ. Впрочем, сторонниками противоположной точки зрения, основанной на «теории заговора», данный документ может быть истолкован иначе: так пытались еще до сведения счетов со Ждановым «замести следы» те, кто в последующем его отравил.

Материалы личного фонда Г. М. Маленкова позволяют сделать ряд интересных наблюдений, дополнить характеристику этого человека. Из документов видно, что он так и не получил высшего образования, хотя желание учиться у него не пропадало. В итоге ему порой не хватало элементарных знаний, поэтому его публичные выступления, речи, доклады перед выходом на трибуну правили филологи, от руки проставлявшие ударение во всех словах. Другие материалы позволяют более четко определить политические пристрастия Маленкова. Некоторые здравые идеи, разработанные для Программы ВКП(б) Н. А. Вознесенским (о важности материальных стимулов к труду, необходимости смещения центра тяжести в промышленном развитии с предприятий группы «А» на предприятия группы «Б» и др.), вероятно, разделял и Маленков. В

частности, в порученный ему доклад, посвященный 32-й годовщине Октябрьской революции 1917 г. был включен целый абзац о важности развития материальных стимулов к труду и о работе, проведенной в послевоенные годы в этом направлении (даже называлась сумма 38 млрд. рублей, выплаченная в виде премий рабочим, ИТР и служащим). Однако абзац, судя по оригиналу документа, был вычеркнут из текста лично Сталиным. О том, что включение этого сюжета не было механическим, говорит тот факт, что в августе 1953 г. идея о преимущественном развитии предприятий группы «Б» была высказана Маленковым как одна из главных. Впрочем, это не помешало при его снятии с поста главы правительства в январе 1955 г. обвинить его именно на основании этой мысли ни много ни мало, как в «меньшевизме».

Любопытен еще один документ из фонда Маленкова в РГАСПИ. 6 декабря 1950 г. на имя Сталина была направлена анонимка, в которой автор призывал его «очень и очень побережся», так как в составе ЦК есть большая группа его противников, считающих, «если Вы останетесь руководить Советским Союзом, то будет обязательно третья мировая война и мы все погибнем». Главой группы назван Маленков («готовит план переворота с Вашим убийством»¹⁴). Анонимка поступила в МГБ СССР вечером 12 декабря из 5-й части особого сектора ЦК ВКП(б) без регистрации (что было серьезным нарушением), в то время как в том же пакете направлялась еще одна анонимка, имевшая исходящий номер. Кто направил из ЦК это антималенковское письмо и зачем, можно лишь догадываться. Нельзя исключить и того, что оно было сфабриковано по инициативе самого вождя. Так или иначе, из канцелярии Сталина без его резолюций, но по устному распоряжению, документ был направлен Маленкову. О его реакции на письмо можно лишь догадываться.

В фонде Маленкова имеется и черновой набросок состава высших органов партии, которые предполагалось создать в ходе работы XIX съезда партии. Он ставит под сомнение точку зрения Ж. Медведева о том, что Сталин готовил себе в преемники М. А. Суслова¹⁵. В списке намеченных в состав ЦК кандидатур знаки вопроса были поставлены (безусловно, по инициативе Сталина) напротив фамилий А. Н. Косыгина, П. К. Пономаренко, М. А. Суслова, а также В. М. Андриано-

¹³ См.: РГАСПИ, ф. 77, оп. 3, д. 141, л. 10.

¹⁴ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 39, л. 34 об.

¹⁵ См.: Медведев Ж. Загадка смерти Сталина // Вопросы истории. 1999. № 1.

ва, А. Б. Аристова, Л. И. Брежнева, А. Я. Вышинского, С. Д. Игнатьева, В. В. Кузнецова, Н. А. Михайлова, Н. С. Патоличева. Вычеркнуты были две фамилии: Микоян и Молотов¹⁶.

В другом документе из этого фонда приводятся наметки персонального состава Президиума ЦК. Знаком «+» здесь отмечены фамилии, которые либо не вызывали никаких дополнительных вопросов у Сталина, либо должны были составить в будущем «руководящую группу» членов Президиума: Сталин, Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Хрущев и Сабуров¹⁷. Все секретари ЦК должны были являться членами или кандидатами в члены Президиума ЦК.

Интересно распределение обязанностей между членами Президиума ЦК, утвержденное на его заседании 18 октября 1952 г., когда были созданы три постоянные комиссии при Президиуме. Комиссию по внешним делам возглавил Маленков, а в ее состав были включены Брежнев, Вышинский, Игнатьев С. Д., Каганович, В. В. Кузнецов, Кумыкин, Куусинен, Н. А. Михайлов, Молотов, В. Н. Павлов (ему отводилась роль секретаря комиссии), Первухин, Пономарев, Поскребышев и Сулов. Во главе комиссии по вопросам обороны был поставлен Булганин, а в ее состав вошли Берия, Василевский, Ворошилов, Г. П. Громов (секретарь комиссии), С. Е. Захаров, Каганович, Н. Г. Кузнецов, В. А. Малышев, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров. Комиссию по идеологическим вопросам возглавил Д. Т. Шепилов. В ее состав были включены А. М. Румянцев, М. А. Сулов, Д. И. Чесноков, П. Ф. Юдин (Маленковым ему дано специальное поручение по осуществлению контроля за работой идеологических журналов)¹⁸.

На том же заседании были еще более ослаблены позиции Молотова, Микояна и Булганина. Молотова освободили «от наблюдения за работой МИД СССР»; оно было передано постоянной комиссии по внешним делам (напомним: ее возглавил Маленков). Микояна лишили обязанностей куратора Министерства внешней торговли и Министерства торговли СССР (этот участок также перешел к Маленкову как председателю комиссии по внешним делам). Булганина же лишили контроля над работой Военного и Военно-морского министерств (контроль переходил к комиссии, где он хоть и был председателем, но вряд ли мог решить что-либо без одобрения Берии)¹⁹. Одновременно по инициативе Маленко-

ва был создан «единый орган по изучению и распределению партийных и советских кадров» при Секретариате ЦК, где главную роль играл он сам. Это давало ему в руки контроль над кадрами не только партии, но и государства.

Между секретарями ЦК обязанности оказались теперь распределены следующим образом: Н. М. Пегов отвечал за работу с кадрами; А. Б. Аристов осуществлял контроль за работой ЦК КП союзных республик, обкомов и крайкомов партии; Н. А. Михайлову было поручено руководство работой в области пропаганды и агитации; Л. И. Брежнев — наблюдение за деятельностью Главных политуправлений Военного и Военно-морского министерств; М. А. Сулов, Н. Г. Игнатов, П. К. Пономаренко оставались «разъездными» секретарями ЦК, выезжавшими по поручению руководства в регионы (по сути, не имевшими никаких непосредственных обязанностей)²⁰.

Кроме того, был создан Секретариат Президиума ЦК КПСС во главе с А. Н. Поскребышевым, который уже тогда непосредственно замыкался на Маленкова. Пункт 4 соответствующего постановления обязывал Секретариат ежедневно докладывать Сталину или Маленкову о важнейших вопросах, поднятых в письмах, направленных в ЦК. В составе Секретариата предполагалось иметь шесть секторов: 1-й — общий; 2-й — архив Сталина и Президиума ЦК; 3-й — бывший архив Коминтерна; 4-й — шифровальный; 5-й — письма на имя Сталина; 6-й — хозяйственный. Фактически это было «государство в государстве», имевшее возможность реально управлять всем аппаратом ЦК²¹.

Обширен и разнопланов личный фонд В. М. Молотова. Наиболее интересной и трогательной его частью является переписка Вячеслава Михайловича с его супругой — Полиной Семеновной Жемчужиной. В переписке он предстает не просто горячо любящим человеком, но и личностью достаточно лирической, даже сентиментальной²². Он тяжело переживал то, что тучи

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 75–76. Попутно заметим, что этот важнейший рычаг управления партийными делами сохранялся в руках Маленкова вплоть до осени 1954 г., когда ему на смену пришел созданный Хрущевым Общий отдел ЦК. Добавим также, что по ленинской традиции председательствующим на заседаниях Политбюро (Президиума) ЦК являлся руководитель правительства. Ему и должен был подчиняться Секретариат. Таким образом, сосредоточение в руках Маленкова рычагов партийной власти создавало для него некий трамплин для последующего наследования поста главы правительства.

²² В октябре 1946 г., в самый драматичный период очередного обострения отношений со Сталиным (см. переписку по поводу избрания почетным академиком АН СССР) Молотов пишет

¹⁶ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 2, л. 202–207.

¹⁷ Там же. Л. 208.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 7, л. 71.

¹⁹ Там же. Л. 72.

сгущались не только над ним, но и над любимой, с которой он привык делиться в том числе и доверительной информацией. В отношениях с нею и ближайшим другом он черпал силы в самые сложные периоды жизни. В октябре 1946 г. он писал жене из Нью-Йорка: «Трудности по работе, я вижу, у тебя большие, но я знаю, что ты и твои люди справятся с ними. Прошу тебя, береги себя и помни, что это очень нужно и для тебя и для меня, как это с моей стороны не эгоистично!»²³. Лишь ей он мог доверить в другом своем письме (от 19 июня 1947 г.) то, что не мог поведать никому другому: «Мои дела идут неплохо, хотя, как всегда, досадно, что не удается сосредоточиться на некоторых, важнейших делах, поскольку *заваливают текущими поручениями* (выделено мной. — А. Д.). Все кажется, что можно было бы больше сделать, если бы направить внимание на... основные вещи»²⁴.

К «основным вещам» путь для него был уже заказан, ибо в силу доверительности отношений с женой Молотов сообщил ей об обстоятельствах смерти С. Михоэлса, о чем знали лишь несколько человек. На П. С. Жемчужину, хорошо знавшую артиста, сообщение произвело настолько сильное впечатление, что на похоронах она поделилась с Зускиным. О разговоре Сталина сообщили почти сразу. Гневу его не было предела: он увидел в этом факте едва ли не измену. Отношения с Молотовым не просто были разорваны: гонения на него были утонченными и чувствительными. 29 декабря 1948 г. Политбюро заслушало сообщение Шкирятова и Абакумова о П. С. Жемчужиной, накануне арестованной органами госбезопасности. Можно представить, каким тяжелым ударом для Молотова был арест жены и характер предъявленных ей обвинений («в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже»). Вспомнили даже о ее участии 14 марта 1945 г. в религиозном обряде в московской синагоге. Но главное «преступление» все же состояло в том, что на похоронах Михоэлса она вела разговор с Зускиным «об обстоятельствах смерти» артиста, чем «дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокаци-

онных слухов о смерти Михоэлса»²⁵. Молотов оказывался, таким образом, под подозрением «в связях с подозрительными лицами» и в «утечке» информации об убийстве Михоэлса.

Подозрения Сталина усилились после того, как Молотов воздержался при голосовании на заседании Политбюро вопроса об исключении Жемчужиной из партии. По распоряжению вождя переписка членов «пятерки» в ноябре-декабре 1945 г. была размножена в количестве 8 экз. и разослана 19 января 1949 г. Берии, Булганину, Косыгину, Маленкову, Микояну, Молотову, Вознесенскому (под расписку), а также Поскребышеву. Это уже выглядело как подготовка уголовного дела на опального министра. Отчетливо осознавая угрозу, 20 января 1949 г. Молотов обратился с письмом к Сталину и членам Политбюро, в котором был вынужден, по сути, отказаться от жены: «При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П. С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю свою тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами, вроде Михоэлса»²⁶. Однако ничто уже не могло его спасти. 3 марта 1949 г. Политбюро приняло решение «освободить заместителя председателя Совета Министров СССР т. Молотова В. М. от обязанностей министра иностранных дел и назначить министром иностранных дел т. Вышинского А. Я.»²⁷.

Поразившим меня фактом в ходе знакомства с материалами фонда Молотова стали исключительная щепетильность и скромность этого человека и его семьи. В одном из конвертиков, где я ожидал увидеть очередную записку или письмецо, оказался крохотный платочек из брюссельского кружева, подаренный в свое время П. С. Жемчужиной супругой американского посла в Москве. Даже этот обычный сувенир Полина Семеновна или ее муж пожелали не оставить у себя, а сдать в архив.

Самым крупным массивом документов отличается лишь недавно переданный в архивы личный фонд И. В. Сталина. Анализ его содержания и даже номенклатуры заслуживает отдельного об-

жене в Москву: «Снова хочу сказать, повторить и как-то по-настоящему объяснить тебе, как я люблю тебя, как хотел бы иметь тебя здесь... и чувствовать твоё тепло и женскую прелесть...» (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1592, л. 38).

²³ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1592, л. 39.

²⁴ Там же, л. 58–59.

²⁵ Там же, л. 56.

²⁶ Коллекция документов АПРФ.

²⁷ Там же.

стоятельного анализа. В рамках же данной статьи отметим лишь наиболее яркие документы.

Одним из самых интересных для исследователей всегда оставался вопрос о механизмах действия власти, о том, как и почему принимаются те или иные решения. Познать эти механизмы применительно к сталинской эпохе — довольно трудная задача, ибо никогда не велось официальных стенограмм заседаний Политбюро или «пятерок», «шестерок», «семерок» и «девяток» из его состава. В фонде Сталина в РГАСПИ (ф. 557), куда передана основная часть документов его личного фонда (исключение составляют лишь около 300 дел, пока не рассекреченных), большой интерес с этой точки зрения представляют «Письма с Юга» — переписка, которую он вел с оставленными «на хозяйстве» в Москве членами высшего партийно-государственного руководства в те месяцы, когда отдыхал на Кавказе. Анализ этих документов еще предстоит, ибо массив их огромен. В числе важнейших я бы назвал перечни поступавших фельдъегерской связью материалов, требовавших реакции вождя. Это была ежедневная информация. В некоторые дни он получал и реагировал почти на 200 важнейших документов, не просто читая их, но и предлагая варианты конкретных решений. Правке Сталина подлежали даже передовицы в «Правде». Сохранившиеся материалы дают возможность увидеть направление его мысли и высокий уровень подготовки. Круг интересов вождя был необычайно широк: его волновали причины пожара на московском складе, особенности партизанского движения в Индонезии, возможность создания федеративного государства из стран Южной Америки в противовес США и многие другие вопросы.

Немало интересного содержит комплекс документов об истории болезни и смерти Сталина²⁸. Здесь имеются фактически две истории болезни (д. 1482 — с 25 марта 1921 г. по 14 апреля 1952 г.; д. 1483 — с 31 августа 1944 г. по 9 ноября (?) 1953 г.) и дело с советами о лечении и жалобами на неправильное лечение вождя (д. 1484 — с 4 марта по 4 апреля 1953 г.). В документах обращают на себя внимание многочисленные подчистки, нехватка листов, измененная нумерация страниц. Относятся они к периоду, когда Сталина уже не было в живых. Отдельного анализа и заключения современных медиков требует патологоанатомическое заключение о причинах смерти Сталина (несмотря на неоднократную смену исторических эпох, оно не опубликовано до сих пор).

Опубликованный в середине 1990-х гг. журнал посетителей кабинета Сталина также ждет подробного и разностороннего анализа. Меня в нем интересовал вопрос о персональном составе посетителей в послевоенные годы, важный для понимания того, какие изменения происходили в последние месяцы жизни Сталина, кого он чаще видел и почему, каких перемен можно было бы ожидать в связи с этим. 2 марта 1953 г. журнал зафиксировал последних посетителей перед началом болезни. Ими стали неизменный спутник падения высших партийных чиновников председатель Комитета партийного контроля Шкирятов (причем дважды), секретарь ЦК Сулов и заместитель председателя СМ СССР М. Г. Первухин (30 августа 1952 г. введен в состав Бюро Президиума Совета Министров). Показательно, что Берия и Маленков последний раз перед болезнью посетили кабинет Сталина лишь 17 января, а Молотов вообще лишь 1 октября 1952 г. Показательна и статистика наиболее частых посетителей кремлевского кабинета вождя. Это были: в 1945 г. — Молотов (123 раза), Маленков (118), Берия (114), Микоян (63) и Булганин (63); в 1946 г. — Берия (88), Маленков (82), Молотов (77), Микоян (75) и Жданов (56); в 1947 г. — Берия (114), Вознесенский (111), Маленков (108), Микоян (102), Молотов (100) и Жданов (85); в 1948 г. — Жданов (безусловный лидер: 86 раз за 6,5 месяцев), а также Молотов (118), Берия (112), Микоян (111), Вознесенский (101), Маленков (100) и Булганин (88); в 1949 г. — Маленков (108), Берия (102), Булганин (100), Микоян (92), Молотов (83); в 1950 г. — Маленков (69), Берия (65), Молотов (64), Булганин (58), Микоян (56), Хрущев (43), т. е. Сталин реже встречался со всеми своими соратниками; в 1951 г. — Маленков и Берия (по 48 раз), Молотов (44), Хрущев (43), Булганин (37), Микоян (36); в 1952 г. — Маленков (49 раз), Берия (39), Булганин (37), Хрущев (32), Молотов (28), Микоян (24); за дни 1953 г., предшествовавшие болезни Сталина, — Маленков (9 раз), Булганин и Берия (по 7 раз), Хрущев (5 раз). Отсюда видно, что «старая гвардия» все реже бывала у Сталина, а молодые выдвиженцы, которые могли придти им на смену, в последние недели жизни вождя бывали у него чаще других²⁹.

Особую группу исторических источников в фонде Сталина составляют письма граждан. За каждым из них — судьбы людей, порой весьма известных. Так, через месяц после Победы вождю написал хорошо знакомый кинозрителям по ра-

²⁸ Подробнее см.: Данилов А. А. История болезни и смерти И. В. Сталина // Российское общество и власть в XX веке. М.: Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та, 2003. С. 170–197.

²⁹ См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.

боте Н. Охлопкова в трилогии о В. И. Ленине рабочий Емельянов (выполняя решение ЦК большевистской партии, летом-осенью 1917 г. он скрывал В. И. Ленина в Разливе). Оказавшись в сталинских лагерях, а позже на поселении в Сибири, старый уже человек, потерявший своих близких на только что закончившейся войне, обратился к Сталину с просьбой провести остаток дней ближе к родным местам³⁰. Аналогичным является и письмо Александра Мильчакова — одного из комсомольских вожakov, стоявших у истоков комсомола в Сибири и на Дальнем Востоке³¹.

О другом писал выдающийся кинорежиссер С. М. Эйзенштейн³²: он ставил вопрос о просмотре Сталиным (а по сути, о разрешении выпуска на экраны) второй серии трилогии об Иване Грозном. За строками письма — переживания и борьба автора за собственную трактовку образа грозного царя. Режиссера, задумавшего фильм-эпопею, в которой легко угадывались исторические параллели, беспокоило, что после завершения войны историческая проблематика, поднимавшая народ на борьбу, «будто бы вообще отодвигается из поля внимания на второй и третий план»³³.

Необычно письмо некоего Александра Аладжалова о судьбах и перспективах демократии в СССР. Сам характер письма вызывает множество вопросов. Оно написано так, как могло быть написано только анонимом: стиль ряда обращений к Сталину явно недопустим. В то же время автор письма показывает удивительную осведомленность о положении дел в высших партийно-государственных сферах страны. Пара его ремарок о Молотове заставляет думать, что письмо было инспирировано противниками сталинского заместителя в руководстве страны как раз в тот момент, когда его положение пошатнулось. Тезис о лицемерии Молотова почти буквально воспроизводит положение сталинского письма «четверке». Продолжением этой линии в письме можно считать и заключительный абзац об отсутствии «наследников» у престарелого вождя. Так или иначе, письмо, полученное Сталиным 27 декабря 1945 г., в канун заседания Политбюро, на котором он обрушился с резкой критикой на ближайшее окружение и фактически начал производить его замену, симптоматично. Еще более интересны рассуждения о

демократии вообще и о советской демократии в частности. Они вполне могли быть положены в основу трансформации политической системы страны в послевоенное время.

В письме выдающегося ученого А. Л. Чижевского акцент сделан на необходимости отстоять приоритет СССР в работах по аэроионизации. О перспективах ее использования говорить нет необходимости: люстры Чижевского сегодня широко используются в быту. За письмом — судьба не только одного из крупнейших отечественных ученых XX в., но и судьба одного из его открытий в нашей стране. Как тут не вспомнить лесковского Левшу, так и не пробившегося к императору Николаю I, чтобы сообщить, что в Европе ружья чистят не кирпичом.

В ряде писем звучит нота, отражающая дух того времени: шпиономания и разоблачение «врагов». Старый большевик Емельянов обвиняет в своих бедах инженера Мюллера, Мильчаков — коллег по «Балейзолоту», даже А. Л. Чижевский видит (по крайней мере, пишет) причину своих злоключений во «врагах» народа и «вредителях».

Многие документы первых послевоенных лет до сих пор так и не обнаружены. В их числе — материалы расширенного заседания Президиума ЦК КПСС (иногда его называют Пленумом ЦК) от 1 декабря 1952 г., о которых есть упоминание в дневниках В. А. Малышева. Он пишет о том, что речь Сталина на заседании носила программный характер. Вождь не просто обрушился с резкой критикой на «американский империализм» и его «сионистских пособников», но и потребовал очередной перестройки органов государственной безопасности, возложив на них ответственность за негативные стороны жизни общества и вновь заклеив Молотова и Микояна.

О характере принятых на заседании решений известно также из составленной по итогам его работы записки от 4 декабря 1952 г.³⁴ В ней отмечалось, что партия «слишком доверяла и плохо контролировала работу Министерства госбезопасности и его органов». Особый акцент делался на то, что «обкомы, крайкомы партии и ЦК компартий союзных республик неправильно считают себя свободными от контроля за работой органов государственной безопасности и не вникают глубоко в существо работы этих органов»³⁵. Знаменательно то, за что авторы документа критиковали партийные организации системы МГБ как в центре, так и на местах: они «не

³⁰ См.: Российское общество и власть в XX веке. С. 404.

³¹ См.: Там же. С. 405-406.

³² См.: Там же. С. 407-408.

³³ Там же. С. 407.

³⁴ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 3, л. 58-59.

³⁵ Там же. Л. 58.

вскрывают недостатков в работе органов МГБ, зачастую поют дифирамбы руководству»³⁶. Такая постановка вопроса прямо вела к усилению доносительства и новой волне репрессий в органах МГБ. В постановлении требовалось: «обеспечить развертывание критики и самокритики в организациях, своевременно сообщать руководящим партийным органам вплоть до ЦК КПСС о недостатках в работе министерств, управлений и отдельных работников»³⁷. Для этого предлагалось установить впредь такой порядок, чтобы секретарей парторганизаций республиканских министерств, областных и краевых управлений МГБ утверждали обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик, а секретарей партийных комитетов центрального аппарата МГБ СССР – ЦК КПСС.

Метаморфозы этого документа просто поразительны. Сталин пытался использовать его для усиления и без того, казалось, полного личного контроля над органами госбезопасности, а также, как считают некоторые историки, для нового витка политических репрессий. Берия спустя три месяца использовал постановление при создании объединенного МВД, во главе которого он встал. Маленков в июле 1953 г. включил его основные положения в свой доклад на пленуме ЦК, развенчавшем Берия. Наконец, уже в 1954 г. Хрущев использовал постановление как отправное при создании КГБ и объяснении необходимости контроля партийного аппарата (который он тогда возглавлял) над деятельностью органов госбезопасности.

После заседания Президиума ЦК 1 декабря 1952 г. был ускорен ряд мер органов госбезопасности по «мингрельскому делу», за которым вырисовывалась фигура «главного мингрела» Берии. В «подвешенном состоянии» оказались и другие члены высшего руководства. Начались аресты по «делу врачей». Их справедливо считали одним из звеньев в готовившейся Сталиным акции по смещению Берии. Более того, по сложившейся практике при оперативной разработке членов высшего партийного руководства фамилии разрабатываемых не печатались, а вписывались самим министром (или, в зависимости от характера документа, другим ответственным лицом) от руки в готовый текст. Печатать фамилии этих руководителей в документах МГБ начинали лишь тогда, когда вопрос о предстоящем аресте был уже решен наверху. По данным В. П. Наумова, в оперативных документах МГБ уже во второй

половине 1952 г. фигурировали фамилии Молотова, Микояна и Берии.

В 2012 г. вышли в свет два сборника документов, содержащих материалы следствия по делу Л. П. Берии и других проходивших по нему лиц³⁸. При том, что оба сборника содержат примерно один и тот же массив документов, тождественными их назвать нельзя. В первом издании, подготовленном упраздненной ныне Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, содержится более полный массив документов. Во втором, изданном Международным фондом «Демократия», документов меньше (там помещены лишь наиболее важные из них), но зато имеется обширный научный аппарат (развернутые примечания, именной комментарий) и более поздние документы, относящиеся к 1954–1956 гг. и касающиеся преимущественно вопросов наказания соратников Л. П. Берии. В обеих книгах по понятным причинам отсутствуют те материалы, доступ к которым до сих пор ограничен. Детальный анализ этого крупного блока документов еще ждет своего исследователя, но уже сейчас можно сделать ряд принципиально важных выводов на основе первого знакомства с материалами следственного дела Берии и обвиненных вместе с ним лиц.

Главный из них состоит в том, что никакого «заговора Берии» с целью захвата государственной власти в результате якобы готовившегося им переворота доказать не удалось, хотя эта линия следствия была основной. Составитель сборника В. Н. Хаустов отмечает во вводной статье, что следствие изначально носило заданный характер. Перед ним партийными органами ставилась задача доказать «преступную расстановку Берия кадров, службу в муссаватистской контрразведке, установление связей с И. Броз Тито» и др.³⁹ В основе версии следствия лежали выступления участников июльского (1953) Пленума ЦК КПСС, на базе которых Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко составил план оперативно-следственных действий (по сути это был план подтверждения в процессе следствия всех обвинений, высказанных участниками Пленума)⁴⁰.

Материалы сборников убедительно опровергают бытующую в последние годы версию

³⁶ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 3, л. 58.

³⁷ Там же.

³⁸ Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Под общей ред. О. Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. 1088 с.; Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В. Н. Хаустов. М.: МФД, 2012. 752 с.

³⁹ Дело Берия... С. 6.

⁴⁰ Там же. С. 5.

(описанную, в частности, в книге воспоминаний сына Берии — С. Л. Гегечкори) об убийстве его отца при аресте. Весьма показательными являются приведенные в них свидетельства о неизменности методов ведения следствия по громким политическим процессам и после смерти Сталина. Об оговорах и клевете в ходе следствия писал, в частности, в своих просьбах о помиловании в адрес Секретаря Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Пегова Амаяк Кобулов 26 октября и 9 ноября 1954 г.⁴¹ Лица, не дававшие требуемых показаний против обвиняемых, сами становились обвиняемыми (так произошло с П. А. Судоплатовым).

Не имея убедительных доводов в пользу преступной антигосударственной деятельности Берии, следствие активно использовало с этой целью информацию, относившуюся в то время к материалам особой государственной важности, в частности показания П. А. Судоплатова от 7 августа 1953 г. о поручении Берии (по решению советского правительства) установить через агента НКВД СССР болгарского посла в Москве Стаменова спустя 3–5 дней после начала Великой Отечественной войны контакт с немецким высшим руководством для выяснения условий, на которых оно было бы готово прекратить войну против СССР и приостановить наступление. В показаниях Судоплатова есть упоминание о том, что лишь теперь, спустя 12 лет, в Президиуме ЦК КПСС ему были даны разъяснения о том, что «никакого решения советского правительства по этому вопросу нет и не было»⁴². Эту непростую и крайне опасную тему следствие включило и в проект обвинительного заключения, отметив, однако, что такие действия Берия предпринял «втайне от советского правительства»⁴³.

Другую не менее деликатную тему затронул Генеральный прокурор Рубенко в письмах на имя Г. М. Маленкова от 17 и 18 июля 1953 г. Речь шла о попытке обвинить Берию в утечке совершенно секретной информации о катынском расстреле польских военнопленных. Для этого использовались материалы специальной комиссии конгресса США по катынскому делу, опубликованные в 1952 г. В них отмечалось, что на просьбу польского полковника Берлинга об освобождении некоторых польских специалистов из советского плена в октябре 1940 г. Берия, а затем и Меркулов косвенно признали факт их гибели. Берия, в частности,

заявил полякам: «Мы допустили большой промах. Мы сделали большую ошибку»⁴⁴. Поскольку текст обвинительного заключения по делу Берии и других лиц в обоих сборниках не публикуется, трудно сказать, вошло ли это положение в предъявленное им окончательное обвинение. Однако в первом сборнике опубликован перечень изменений, внесенных в текст обвинительного заключения по уголовному делу Берии, из которого можно сделать вывод, что даже в этом документе были текстуальные изъятия, сопровождавшиеся комментарием: «См. особую папку»⁴⁵. Это говорит о том, что открытие в будущем недоступных пока документов по данной теме может принести новые сюрпризы исследователям.

В мае 2000 г. Военная коллегия Верховного Суда РФ в порядке надзора пересмотрела дело Берии и его соратников. В постановлении отмечалось, что эти лица хотя и не были инициаторами, но являлись организаторами массовых репрессий, потому на них не распространяется закон «О реабилитации жертв политических репрессий». В то же время был изменен приговор в отношении Влодзимирского, Деканозова, Мешика. Каждого из них Военная коллегия постановила считать осужденными к 25 годам лишения свободы.

В числе важных источников по послевоенной истории нашей страны, ее высших органов власти следует назвать и мемуарную литературу. В последние 20 лет вышли в свет воспоминания практически всех участников событий, которые оставались к тому времени живы: Д. Т. Шепилова⁴⁶, генерала НКВД П. А. Судоплатова⁴⁷. Не менее интересны и воспоминания, написанные ранее, но опубликованные лишь в последнее время (А. И. Микояна⁴⁸, Н. С. Хрущева⁴⁹, Л. М. Кагановича⁵⁰), записи бесед Ф. Чуева с В. М. Молотовым⁵¹ и Л. М. Кагановичем⁵². Менее ценны как источник, но не менее интересны и воспоминания родственников крупных партийных и государственных деятелей той поры: С. Л. Ге-

⁴⁴ Дело Берия... С. 109.

⁴⁵ Политбюро и дело Берия... С. 517.

⁴⁶ См.: Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 8; он же. Непримкнувший. М.: АПН, 1999.

⁴⁷ См.: Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996.

⁴⁸ Микоян А. И. Так было. М.: Вагриус, 2000.

⁴⁹ Хрущев Н. С. Воспоминания: В 4 т. М.: Информ.-издат. компания «Московские новости», 1999.

⁵⁰ Каганович Л. М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.

⁵¹ Сто сорок бесед с Молотовым. М.: ТЕРРА, 1990.

⁵² Так говорил Каганович. М.: Отечество, 1991.

⁴¹ Политбюро и дело Берия... С. 718–724.

⁴² Там же. С. 230.

⁴³ Там же. С. 516.

гечкори⁵³, В. Аллилуева⁵⁴, А. Г. Маленкова⁵⁵ и др. Однако надо помнить, что мемуары — субъективный источник. Они зачастую несут в себе информацию, способную не прояснить историческую истину, а, наоборот, скрыть ее. В любом

случае — анализ мемуарной литературы, вышедшей в последние годы, представляется отдельной задачей.

Очевидно, что открытие архивных фондов и имевшая место за последние 15 лет публикация значительного массива документальных материалов по первым послевоенным годам будет в большой степени способствовать усилению интереса как историков, так и широкой общественности, к этой пока еще малоизвестной главе истории нашей страны.

⁵³ Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Проспект, 1998.

⁵⁴ Аллилуев В. Хроника одной семьи: Аллилуевы-Сталин. М.: Молодая гвардия, 1993.

⁵⁵ Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: Техноэкос, 1992.

Список литературы:

1. Аллилуев В. Хроника одной семьи: Аллилуевы-Сталин. М.: Молодая гвардия, 1993.
2. Архив новейшей истории России: Каталог документов. Т. I– IV. М.: Благовест, 1994–1996.
3. Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Проспект, 1998.
4. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000.
5. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В. Н. Хаустов. М.: МФД, 2012. 752 с.
6. Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. М., 1994.
7. Каганович Л. М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.
8. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В. Н. Хаустов и др. М.: МФД: Материк, 2007. 656 с.
9. Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: Техноэкос, 1992.
10. Микоян А. И. Так было. М.: Вагриус, 2000.
11. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.
12. Политбюро и дело Берия: Сборник документов / Под общей ред. О. Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. 1088 с.
13. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
14. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог. Т. III: 1940–1952. М.: РОССПЭН, 2001. 1016 с.
15. Российское общество и власть в XX веке. М.-Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та, 2003. 386 с.
16. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: ТЕРРА, 1990.
17. Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996.
18. Так говорил Каганович. М.: Отечество, 1991.
19. Хрущев Н. С. Воспоминания: В 4 т. М.: Информ.-издат. компания «Московские новости», 1999.
20. ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.
21. Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М.: АПН, 1999.

References (transliteration):

1. Alliluev V. Khronika odnoy sem'i: Alliluevy-Stalin. M., 1993.
2. Arkhiv noveyshey istorii Rossii: Katalog dokumentov. T. I– IV. M., 1994–1996.
3. Beriya S. Moy otets — Lavrentiy Beriya. M., 1998.
4. Danilov A. A., Pyzhikov A. V. Rozhdenie sverkhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody. 1945–1953. M., 2000.
5. Delo Beriya. Prigovor obzhalovaniyu ne podlezhit / Sost. V. N. Khaustov. M.: MFD, 2012. 752 s.
6. Zubkova E. Yu. Obshchestvo i reformy. M., 1994.
7. Kaganovich L. M. Pamyatnye zapiski. M., 1996.

8. Lubyanka. Stalin i MGB SSSR. Mart 1946 – mart 1953: Dokumenty vysshikh organov partynoy i gosudarstvennoy vlasti / Sost. V. N. Khaustov i dr. M.: MFD: Materik, 2007. 656 s.
9. Malenkov A. G. O moem ottse Georgii Malenkove. M., 1992.
10. Mikoyan A. I. Tak bylo. M., 2000.
11. Na prieme u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisey lits, prinyatykh I. V. Stalinym (1924–1953 gg.): Spravochnik. M.: Novyy khronograf, 2008. 784 s.
12. Politbyuro i delo Beriya: Sbornik dokumentov / Pod obshchey red. O. B. Mozokhina. M.: Kuchkovo pole, 2012. 1088 s.
13. Politbyuro TsK VKP (b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945–1953. M.: ROSSPEN, 2002. 656 s.
14. Politbyuro TsK RKP (b) – VKP (b). Povestki dnya zasedaniy. 1919–1952: Katalog. T. III: 1940–1952. M.: ROSSPEN, 2001. 1016 s.
15. Rossiyskoe obshchestvo i vlast' v KhKh veke. M.-Ryazan': Izd-vo Ryaz. gos. ped. un-ta, 2003.
16. Sto sorok besed s Molotovym. M., 1990.
17. Sudoplatov A. Razvedka i Kreml'. M., 1998.
18. Tak govoril Kaganovich. M., 1991.
19. Khrushchev N. S. Vospominaniya: V 4 t. M., 1999.
20. TsK VKP (b) i regional'nye partiynye komitety. 1945–1953. M.: ROSSPEN, 2004. 496 s.
21. Shepilov D. T. Neprimknuvshiy. M., 1999.